

ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.2.1-31-47

УДК 130.31

Концепт трансгрессии: истоки и возможные экспликации

Макаров Сергей Константинович,
*аспирант кафедры философской антропологии
философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, МГУ,
учебно-научный корпус «Шуваловский»
ORCID: 0009-0007-9574-3358
struin2009@yandex.ru*

Аннотация

Статья посвящена анализу возникновения и развития концепта трансгрессии в философии, а также его возможным экспликациям применительно к проблеме становления субъекта. Рассматриваются основные факторы, способствующие появлению понятия трансгрессии в философии. На материале трудов Ж. Батая и М. Фуко автором рассматривается связь концепта трансгрессии с такими понятиями, как запрет, предел, сакральное. Прослеживается связь трансгрессии с такими фундаментальными областями человеческого бытия, как эротика и смерть, приобщение к которым освобождает человеческое существование от присущей ему дискретности. Показывается преемственность и различие подходов к трансгрессии Батая и Фуко — для обоих понятие представляет собой разрыв в непрерывности человеческого существования, но если для Батая она связана с временным снятием запрета, то у Фуко речь идет об окончательном преодолении предела. Делается вывод о соотношении между собой подходов Батая и Фуко как двух оптик — культурно-антропологической и онтологической. Показана роль описанного Ж. Батаем «звериного» начала как «своего Иного» человека, делающего возможным обретение подлинности существования посредством трансгрессии. Выявлена связь трансгрессии и феномена «постыдного удовольствия» (guilty pleasure); показано социальное значение трансгрессии как акта переступания запрета перед лицом Другого. Впервые рассмотрена роль бессознательного в трансгрессии, а также описан процесс развития субъекта с опорой на данное понятие. Предложен оригинальный способ представления субъекта как переопределяющего собственные основания в актах трансгрессии. Раскрыта роль метаноии (изменения сознания) как центрального события трансгрессии и ее условия. Показано возможное приложение рассматриваемого концепта к теории когнитивного развития человека. В заключение автор делает вывод о возможности разнообразного

применения концепта трансгрессии в современном философском дискурсе, что свидетельствует о его многогранности и эвристической силе.

Ключевые слова: трансгрессия, запрет, предел, бессознательное, субъект, метанойя, Ж. Батай, М. Фуко.

The Concept of Transgression: Origins and Possible Explications

Sergei Makarov,

Postgraduate Student,

Department of Philosophical Anthropology of the Faculty of Philosophy,

Lomonosov Moscow State University,

Leninskiye Gory, Lomonosov Moscow State University, "Shuvalovsky Building",

Moscow, 119991, Russian Federation

ORCID: 0009-0007-9574-3358

struin2009@yandex.ru

Abstract

This article presents an analysis of the emergence and development of the concept of transgression in philosophy, particularly in relation to the formation of the subject. The author explores the main factors that contributed to the emergence of this concept. Drawing on the ideas of Georges Bataille and Michel Foucault, the author examines how transgression connects to notions of prohibition, limits, and the sacred. The article delineates the relationship between transgression and fundamental aspects of human existence, such as eroticism and death, suggesting that familiarity with these themes illuminates the discontinuities in human life. It highlights both the continuity and distinctions in the approaches of Bataille and Foucault regarding transgression: for Bataille, it is associated with a temporary lifting of prohibitions, whereas for Foucault, it signifies a definitive overcoming of limits. The author concludes that Bataille's and Foucault's approaches can be viewed as two different perspectives: the cultural-anthropological and the ontological. The article also discusses the 'bestial' aspect that Bataille describes as the 'Other' within the self, proposing that authenticity in existence may be achieved through acts of transgression. Additionally, the article reveals the connection between transgression and the phenomenon of 'guilty pleasure,' emphasizing the social significance of transgressive acts as violations of prohibitions in the presence of the Other. For the first time, the role of the unconscious in transgression is considered, with transgression being described as foundational to the development of the subject. The author proposes a novel way of conceptualizing the subject, suggesting that individuals can redefine their foundations through acts of transgression. The central role of metanoia – changes in consciousness – is elucidated as a crucial event in transgression and its enabling conditions. Furthermore, the potential application of the concept of transgression to human cognitive development theory is explored. Ultimately, the author concludes that the concept of transgression can be utilized in various

ways, underscoring its complexity and heuristic potential within contemporary philosophical discourse.

Keywords: transgression, prohibition, limit, unconscious, subject, metanoia, J. Bataille, M. Foucault.

Библиографическое описание для цитирования:

Макаров С.К. Концепт трансгрессии: истоки и возможные экспликации // Идеи и идеалы. – 2026. – Т. 18, № 2, ч. 1. – С. 31–47. – DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.2.1-31-47.

Makarov S. The Concept of Transgression: Origins and Possible Explications. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2026, vol. 18, iss. 2, pt. 1, pp. 31–47. DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.2.1-31-47.

Введение

Одной из базовых тем философской антропологии, открытых в XX в., является тема трансгрессии. Феномен трансгрессии, изначально описанный Ж. Батаем как акт снятия запрета, был впоследствии переинтерпретирован М. Фуко как акт преодоления предела. В настоящей работе показано, как возник и изменялся концепт трансгрессии в работах этих исследователей, затем освещены практические аспекты трансгрессии.

Говоря о появлении и развитии такого концепта, как трансгрессия, стоит обратить внимание на те *факторы* или *условия*, без которых было бы невозможным его появление. Одним из факторов, определивших развитие французской философии, стало переосмысление философии Ф. Гегеля А. Кожевым (1902–1968). Кожев акцентирует внимание на понятиях *негативности, признания, отношении Господина и Раба*, открывая антропологическую сторону учения Гегеля, которая и была использована Батаем в разработке концепта трансгрессии. По Кожеву, человек – это «пустота в бытии» [12, с. 603], «Нечто», существующее посредством «Ничто»¹. Это воплощенная негативность, существующая в модусе превосходения самой себя в диалектическом движении развития. Эта негативность выступает основным условием возможности трансгрессии – преодоления (преобразования) сущим своего бытия посредством перехода одной определенности к другой посредством Ничто².

¹ См. метафору Кожева об отверстии в кольце: как отверстие есть Ничто, существующее благодаря кольцу, так и человек есть Ничто, существующее благодаря бытию, которое отрицает [12, с. 603].

² Трансгрессия как процесс перехода сущего из одного состояния своего бытия в иное впоследствии будет проблематизирована Фуко: трансгрессия «схлопывает» предельные основы бытия сущего, разворачивая новые [19, с. 117]. Трансгрессию как модус бытия сущего невозможно фактически обнаружить по той причине, что нам может быть дано лишь *что-то*, тогда как трансгрессия есть опосредование бытия через Ничто. Отсюда следует вывод: не-

Еще одним фактором было обращение социологов, философов и антропологов XX в. к феноменам *потлача и жертвоприношения, ритуалам и табу*, существующим в традиционных обществах (среди наиболее известных можно назвать Дж. Фрэзера, М. Мосса, Э. Дюркгейма, Р. Кайуа и др.). Было распространено мнение, что истоки основных проявлений современного человеческого бытия следует искать в его «детстве», в изначальных его формах, которые и поныне существуют у различных племен и народов.

Также стоит отметить и глобальный «антропологический поворот» в гуманитарных науках и в философии [15, 17]. Хотя под рубрикой «философская антропология» традиционно понимается одноименная немецкая философская школа, тем не менее вопрос о человеке и его отношении к бытию встал наиболее остро именно в XX в., на что непосредственно повлиял опыт двух мировых войн, когда базисные основания человеческого бытия оказались поставлены под вопрос [17, с. 29]. На первый план выходит проблема генезиса сознания как возможности человека выделить себя из мира и противопоставить ему. Эта проблема будет лежать в основе дискурса о трансгрессии – человек, порвав свою связь со Зверем, включил его в себя как «свое Иное», свой исток, который был *снят* (Aufheben) сознанием, но не был уничтожен, будучи трансформирован в то, что впоследствии получит название «*сакральное*». Прорыв к этой запретной области и будет назван *трансгрессией*. Увлечению «изнанкой» человеческого бытия в значительной мере способствовал и активно развивающийся в XX в. психоанализ.

В настоящей работе акцент сделан на два основных текста, раскрывающих содержание понятие трансгрессии в философии, – трактат Ж. Батая «Эротика» (1957 г.) и текст М. Фуко «Предисловие к трансгрессии»³ (1963 г.). Не ограничиваясь анализом «истоков» данной темы в философской антропологии, продемонстрируем возможные экспликации (применения) концепта трансгрессии по отношению к проблеме развития субъекта, а также представим его экзистенциальный и социальный аспекты.

Сакральное, непрерывность и трансгрессия

Исследование специфики человеческого существования вскрывает его принципиальную *разнородность (гетерогенность)*, вызванную разрывом между профанным и сакральным⁴.

необходимо признать существование трансгрессивного модуса бытия, так как без него был бы невозможен переход сущего из одного состояния в другое, однако данный модус никак нам феноменологически не дан. Момент трансгрессии невозможно зафиксировать, но это не значит, что его нет: скорее всего, пространство трансгрессии онтологически находится в ином измерении, к которому у человека а priori отсутствует доступ.

³ В русском переводе издан под заголовком «О трансгрессии» [19].

⁴ Дихотомия «сакральное/профанное» берет свое начало в работах британских антропологов Дж. Фрэзера и У. Смита, а также социологов французской социологической школы

В философии была неоднократно показана связь трансгрессии и сакрального. Ж. Батай предлагает следующий способ понимания отношения «трансгрессия – запрет – сакральное»: во-первых, все человеческое бытие в его целокупности может быть поделено на две фундаментальные области: профанную, в которой человеческое бытие подчинено трудовому распорядку, и сакральную [3, с. 536]. Подробнее рассмотрим, в чем состоит специфика сакрального, которое «без сомнения, притягательно и наделено несравненно более высокой (по сравнению с профанным. – С. М.) ценностью, но в то же время оно предстает головокружительно опасным для того ясно-профанного мира, где располагается излюбленное местопребывание человечества» [2, с. 64].

Человек находится в сакральном модусе своего бытия тогда, когда его существование перестает быть подчиненным пользе, – в моменты разгула, предельного веселья, экстаза. Также бытие человека находится в области сакрального в моменты двух фундаментальных для него состояний – это сексуальное наслаждение и смерть, как в пассивном модусе (умирание), так и в активном (убийство). Приобщение к сакральному – нарушение запрета – подчинено двум основным направлениям человеческой жизни – *эротике и религии*.

У Ж. Батая «трансгрессия снимает запрет, не уничтожая его» [3, с. 512]. Ж. Батай пишет о «маятниковой игре запрета и трансгрессии» [3, с. 511]: запрет на время снимается, чтобы вновь быть утвержденным с еще большей силой [3, с. 534]. В жизни человека и общества есть некоторое сакральное по своей природе ядро, доступ к которому для человека ограничен запретом; оно манит и притягивает человека. Батай также утверждает в качестве трансгрессии опыт эротики как тот, который прерывает разделенность индивидуального человеческого бытия. «Здесь, – пишет Ж. Батай, – скрыта главная пружина эротики, здесь же – главная пружина религий» [3, с. 512]. В религиозном опыте также одиночество человеческого бытия снимается, человек не один, но с Богом. Отношение «Я – Другой» непосредственным образом возникает и существует в пространстве разделенности, где трансгрессия означает опыт обретения неразрывности моего с Другим бытия, в чем и состоит суть эротического опыта. «Влюбленный человек, – пишет Ж. Батай, – способен осуществить то, чего не позволяют нам наши пределы: полное слияние двоих, непрерывность двух дискретных существ» [3, с. 501–502]. Другой в эротическом опыте выступает тем, кто способен разомкнуть мою индивидуальность, возвращая меня к животному опыту изначальной непрерывности. Возможно, здесь стоит упомянуть гегелевско-лакановскую теорию о том, что мое желание – это желание Другого

Э. Дюркгейма и М. Мосса [8, с. 11]. Сакральное характеризуется онтологической «иностранностью»; тем, что одновременно отталкивает и привлекает [1, с. 85–87].

[6, с. 67]. Мое желание – быть желанием Другого, т. е. я желаю того, чтобы Другой желал меня. Я желаю, чтобы Другой *взыскал* меня, как своего возлюбленного. Я для Другого, как и Другой для меня, есть тот, кто наполняет меня собой, освобождая меня от одиночества дискретного существования.

Сознание, труд и запрет

Ж. Батай связывает два факта, с которыми связан переход от животного к человеку: «Мы знаем, что люди стали изготавливать орудия и использовать их для обеспечения своего существования, а затем, по всей вероятности довольно скоро, и для бесполезных целей. То есть от животных людей стал отличать *труд*. Одновременно они начали ставить перед собой ограничения – так называемые *запреты*» [3, с. 507]. «Все виды человеческого поведения, – отмечает Ж. Батай, – труд, сознание смерти, сдерживаемая сексуальность – восходят к одному и тому же далекому периоду» [3, с. 507]. Суть антропогенеза в том, что животное, имманентное самому себе и внешней среде⁵, столкнулось с чем-то⁶, что привело его к фундаментальному раздвоению – возможности посмотреть на себя и на мир вокруг как бы извне, «со стороны»⁷. Одним из последствий этого раздвоения стало отмеченное выше разделение единства бытия на сакральное (запретное) и профанное («трудовое», повседневное). При этом в область сакрального была вытеснена животная, «яростная» составляющая, доставшаяся человеку в наследство от предка-зверя, а область профанного составила основу специфически человеческого новообразования – *сознания*.

В итоге человек оказался между двух наковален – реальностью смерти (табу покойников) и эротики (табу на сексуальную активность⁸), которые, ограничивая животную ярость [3, с. 516], сделали человека существом, способным трудиться и длить свое существование посредством труда. Запрет, по Ж. Батаю, является конститутивным началом трудовой деятельности⁹:

⁵ «От того, что один зверь пожирает другого, – пишет Ж. Батай, – никак не меняется фундаментальная ситуация: всякий зверь пребывает *в мире, как вода в воде*» [2, с. 56].

⁶ Существует множество антропологических гипотез по поводу того, *как* возник человек [4, 14, 18]; однако любая подобная теория стремится спекулировать над априори непознаваемым – с Человеком мы имеем дело лишь постфактум, и так как мы сами люди, то не можем никак отследить момент своего «рождения».

⁷ На биологическом уровне эта раздвоенность может быть связана с дифференциацией полушарий и образованием связей между ними, что позволило человеку использовать язык как средство означивания, в том числе и самого себя [22, р. 135–137].

⁸ Разница между эротикой и сексуальностью, по Ж. Батаю, состоит в том, что эротика представляет собой сексуальность, на которую наложен запрет. Эротика есть опосредованная знаком запретного сексуальность [3, с. 506].

⁹ Нужно понимать, что вопрос о том, что первично – труд или запрет, – сам по себе некорректен: труд невозможен без запрета, но это не означает, что «сначала» человек ставит перед собой ограничения, а «потом», вторым шагом, начинает трудиться. Положение о первичности запрета носит не временной характер, а субстанциальный – как условие возможности.

«Запрет устраняет ярость, а наши яростные движения (в частности, те, которые соответствуют сексуальному импульсу) нарушают в нас спокойный распорядок, без которого немислимо человеческое сознание» [3, с. 513].

Повседневное, «дневное» существование человека, подчиненное принципу полезной деятельности, оказывается преодолено в моменте трансгрессии, когда человек отстаивает «бесполезность» своего существования, растрачивая те ресурсы, которые могли бы быть вложены в полезную деятельность¹⁰. Человек мгновенно нарушает устои, на которых держалось его существование, возвращаясь (разумеется, лишь одному ему доступным способом, *по-человечески*) на некоторое время к необремененному обязанностями повседневности, «животному» непрерывному существованию.

Запрет, чувственность и трансгрессия

Мы способны ощущать динамику запрета и преодолевающей ее трансгрессии, *наслаждаясь ей*. Опыт трансгрессии – *это опыт греха*, выхода за границы профанного существования [3, с. 514]. Трансгрессия переживается человеком как опыт перехода через границу. Вообще опыт границ, пределов – это то, без чего трансгрессия невозможна. «Опыт ведет, – писал Ж. Батай, – к законченной, удавшейся трансгрессии, которая поддерживает запрет для того, чтобы *наслаждаться им*» [3, с. 514]. Наслаждение в трансгрессии – это не что иное, как *guilty pleasure*, постыдное удовольствие, радость от нарушения запретов. Запрет снимается (имеется в виду гегельянское снятие – *aufheben* – «преодолевать, сохраняя» [3, с. 512]), не будучи при этом уничтоженным, что порождает отмеченное Ж. Батаем наслаждение. Радость состоит в ощущении удовольствия от нарушения запрета, подавляющего влечения. Для Батая очень важно, что запреты не навязаны извне, они часть человеческого бытия и даны во внутреннем опыте. Опыт их нарушения – трансгрессии – Батай сравнивает с разрыванием куколки [3, с. 514], в котором человек отталкивается от себя самого, а не от внешнего сопротивления.

Запрет и трансгрессия взаимно определяют друг друга, обеспечивая друг другу существование [3, с. 511]. Более того, нарушение запрета в акте трансгрессии утверждает его с еще большей силой [3, с. 534], так как трансгрессия – это именно *внутренний опыт*, сила которого прямо пропорциональна силе запрета. «Трансгрессия, – пишет Ж. Батай, – часто бывает до-

¹⁰ Эта логика составляет основу батаевской «экономики траты»: так, человеку оказывается достаточно лишь совершить один, казалось бы, незначительный жест – поставить на стол, предназначенный для полезной деятельности и приобретенный за счет нее, стакан спиртного, – как «все нужды, все труды, которые позволили мне дожить до этого мига, внезапно оказываются уничтоженными – они, словно река, бесконечно изливаются в океан этого крохотного мига» [2, с. 98].

пустима, а нередко даже обязательна» [3, с. 532]. Становится ясно, почему для Батая трансгрессия «снимает запрет, не уничтожая его» [3, с. 512] и почему «на то и запрет, чтобы его нарушать» [3, с. 533]. Тут мы подходим и к тому, как возникает область *сакрального*. Сакральное возникает благодаря тому, что запрет служит как бы внутренним ограждением сознания от животной ярости. Животное (у Ж. Батая – «зверь») существует внутри человека в «снятом» виде, будучи опосредованным сознанием.

Однако, будучи вытесненным, «звериное» получило в человеческом бытии новую роль. Оно стало источником энергии, благодаря которому человек способен обрести независимость от внешнего. «Звериное» – это то, что не подчиняется социальным нормам и дает человеку возможность быть собой в мире¹¹. Звериное начало возвращает человека к его подлинности, позволяя противопоставить свое собственное существование внешнему миру, в который, по выражению экзистенциалистов, он оказался «заброшен». Такое осознание внутри себя подлинного «звериного» начала может быть названо *трансгрессией* – событием обретения внутреннего единства с самим собой. Трансгрессия, как отмечал Ж. Батай, отнюдь не означает простой возврат к животному началу [3, с. 512] – она обращается к нему опосредованно, через внутренний опыт подлинности. Зверь – «свое Иное» человека: человек, обретя сознание, не перестал им быть, но сделал его своей частью, энергетической основой своего бытия [3, с. 549]. Бывают минуты, когда человек испытывает кризис, ощущая неподлинность, бессмысленность своего существования. В такие моменты важно уметь осознать свои настоящие, «звериные» желания и влечения, скрытые глубоко внутри. Именно отталкиваясь от чувства подлинности, можно насытить свое существование смыслом и энергией.

Итак, можно сделать вывод, что человек в момент трансгрессии получает доступ к звериному началу, обретя таким образом внутреннюю целостность и способность к подлинному существованию. В целом батаевский концепт трансгрессии имеет под собой экзистенциальные и культурно-антропологические основания.

Трансгрессия и предел

От учения Ж. Батая о трансгрессии как о внутреннем опыте снятия запрета обратимся к пониманию трансгрессии М. Фуко.

¹¹ С. Зенкин, характеризуя отношение человека и зверя в теории Батая, отмечает: «Конституируясь в своем отличии от животной имманентности, человек до самого конца своего развития – и даже *после* – продолжает переживать зверя как свое иное, как опору для “лишенной содержания” негативности, для сакральности, преодолевающей и природные (“звериные”), и социальные (“снобистские”) определения. Благодаря человеку зверь возвышается в достоинстве – превращается в необходимое, *хотя и не признаваемое*, внутреннее начало высшего, самознательного существа» [10, с. 37].

Как отмечает отечественный исследователь творчества Ж. Батая С. Зенкин, если у Батая «трансгрессия снимает запрет, не уничтожая его» [9, с. 53], то у Фуко она «утверждает “о-определенное” существо в самом его акте выхода за собственные пределы, в “беспредельность”»¹² [9, с. 56]. У Батая трансгрессия – снятие запрета, у Фуко – преодоление предела. Приведем несколько цитат обоих авторов, чтобы показать переключку их идей.

Батай говорит: «В миг трансгрессии мы ощущаем тревогу, без которой не было бы запрета» [3, с. 514], М. Фуко отвечает: «Предел и трансгрессия обязаны друг другу плотностью своего бытия» [19, с. 117]. Батай продолжает: «Осознание внутреннего опыта было невозможно до тех пор, пока не проявилась маятниковая игра запрета и трансгрессии» [3, с. 511], Фуко реагирует: «Кажется, игра пределов и трансгрессии направляется простым упрямством: то и дело трансгрессия переступает одну и ту же линию» [19, с. 117]. Батай пишет: «Нет запрета, который не мог бы быть преодолен» [3, с. 532], Фуко отмечает: «Не существует предела, через который абсолютно невозможно переступить» [19, с. 117].

У М. Фуко сущее посредством трансгрессии утверждает свое бытие (Фуко активно подчеркивает, что «нет ничего негативного в трансгрессии; она утверждает определенное бытие» [19, с. 118]). Трансгрессия по Фуко – способ, благодаря которому сущее преодолевает свой предел. Художественным языком Фуко описывает то, как трансгрессия «распахивает» предел, когда он «вдруг захватывается всем тем, что он отбрасывал, и достигает вершины своего бытия в этой странной исполненности, захватывающей его до самого сердца» [19, с. 117]. Что же «делает» трансгрессия с пределом? Она как бы «наполняет» его полнотой того бытия, которое было им ограничено. Все это бытие в момент трансгрессии предел вбирает в себя; после чего он испытывает «сознание своего неминуемого исчезновения» [19, с. 117]. «Трансгрессия доводит предел до предела его бытия» [19, с. 117]. Таким образом, трансгрессия «схлопывает» онтологическое пространство сущего в сингулярность его предела; предел оказывается онтологически «переполнен», сам будучи «доведенным до предела», после чего «распахивается в беспредельность», «открывая ее впервые существованию» [19, с. 118]. Основной нерв рассуждения Фуко заключается в его фразе: «И не исчерпывает ли трансгрессия все свое бытие в тот миг, когда переступает через предел, не ведая иного существования, кроме этого мгновения?» [19, с. 117]. С онтологической точки зрения трансгрессия, которую высвечивает для нас М. Фуко, есть не что иное,

¹² Фуко писал: «Нет ничего негативного в трансгрессии. Она утверждает определенное бытие, бытие в пределах, она утверждает эту беспредельность, в которую она перескакивает, открывая ее впервые существованию» [19, с. 118].

как переходное состояние сущего: прошлое бытие оказывается утрачено, новое еще не обретоно. Это состояние невозможно ухватить; но его не может не быть, оно должно каким-то образом существовать, иначе бы никакой предел не мог бы быть преодолен. Это трансгрессивное состояние сущего описывается Фуко как «причудливое скрещение фигур бытия, которые вне его не знают существования, но в нем разделяют друг с другом все то, чем они бывают» [19, с. 117].

Чтобы изобразить движение трансгрессии, М. Фуко обращается к метафоре глаза. Глаз обращается вовнутрь, «суверенно закрывается», обращаясь исключительно к опыту собственных грез, в которых разворачивается предельный опыт. Затем глаз снова открывается, но видит все иначе. Будучи обращенным вовнутрь, «на костяную пещеру черепа» [19, с. 127], глаз умертвляет собственный взгляд. Глаз преодолевает предел, «выставляя его абсолютным пределом в движении экстаза, позволяющем ему перепрыгнуть по ту его сторону» [19, с. 127]. М. Фуко сравнивает трансгрессивный опыт с вращением глазных яблок, выпадением глаза из глазницы, рождением абсолютного отсутствия, того небытия, которое не только все упраздняет, но и рождает. Субъект как бы теряет возможность *видеть* в момент трансгрессии, но лишь для того, чтобы обрести новый глаз, новый взгляд: «Если бы человек не закрывал суверенно глаз, он кончил бы тем, что не видел бы того, на что стоит смотреть» [19, с. 127], – говорит М. Фуко словами Р. Шара [9, с. 61].

Фуко фактически «переизобретает» концепт Батая, раскрывая его в онтологическом ключе. Помимо этого, Фуко соединяет концепт трансгрессии со смертью Бога, проблемой философского языка (попытка неклассической философии захватить новые, ранее неартикулированные поля и дискурсы), освобождением сексуальности. Таким образом, Фуко намечает несколько возможных приложений концепта трансгрессии.

Онтологическую теорию трансгрессии М. Фуко развил Дж. Либертсон (1977), прояснив диалектику разрыва и непрерывности в трансгрессии: трансгрессия «всегда где-то еще» – предел, будучи преодоленным, сразу же возникает снова («откладывается»), трансгрессия в таком случае происходит в момент между «уже нет» (одного) и «еще нет» (другого) [24].

Позиции Ж. Батая и М. Фуко, будучи взяты в их единстве, позволяют раскрыть основные дискурсивные поля, затрагиваемые предложенным ими концептом трансгрессии.

Практика трансгрессии: социальное и индивидуальное

Осветив историю концепта трансгрессии в работах Батая и Фуко, наметим несколько практических экспликаций данного понятия. Обратимся

к социальному аспекту трансгрессии, а именно к фигуре Другого как опосредующего звена между запретом и трансгрессией¹³.

Когда я нахожусь под властью запрета, я не могу что-то делать, поскольку мне стыдно за это перед Другим. Совершить трансгрессию означает отчасти испытать удовольствие (*guilty pleasure*) от того, что Другой *видит* нарушение тобой запрета. Переступить запрет тогда означает продемонстрировать в обществе свою *зрелость*; то, что ты осознаешь запрет, но не подчиняешься ему. Это означает самому стать хранителем запрета. Жизнь общества основана на сакральном ядре, доступ к которому должен быть ограничен для тех, кто не готов приобщиться к чудовищной и разрушительной энергии сакрального. Для этого и существует запрет. В традиционных обществах существуют специальные обряды инициации, предназначенные для ритуального совершения трансгрессии, после которого человек становится полноправным членом общины [20].

Помимо Другого, запрет регламентирует человеческое существование изнутри, как предел, ограничивающий область возможного. Однако в определенный момент развития человека предел должен быть преодолен, чтобы человек обрел новые способности и возможности, перейдя на новую ступень своего существования. Для такого преодоления – трансгрессии – необходима *метанойя*¹⁴, т. е. изменение сознания. Метанойя – это акт трансформации индивидуального сознания, его перестройки на новых началах. Метанойя происходит, по нашему мнению, благодаря контакту с собственным бессознательным, которое в норме является закрытым для субъекта. Однако у бессознательного есть скрытая функция – оно способно дать сознанию новый смысл, «переформатировать» его, изменяя структуру субъекта. Акт метанойи переживается как погружение внутрь себя и переживание встречи с собой (со своим двойником). Метанойяльные переживания описаны в работах К. Юнга как процесс индивидуации и путешествия к архетипам, в работах Д. Купера и Р. Лэйнга – как переживание психическим больным «пограничного переживания», критической точки кризиса, за которым следует выздоровление [5, с. 81–82]. Очевидно, что человек на протяжении своей жизни так или иначе испытывает кризисы развития, которые преодолеваются им в актах метанойи.

¹³ То, что запрет опосредован фигурой Другого, не противоречит внутреннему характеру запрета: Другой является тем, перед кем человек испытывает стыд вследствие нарушения запрета. При этом запрет сам по себе не навязан Другим, являясь внутренним социальным ограничителем.

¹⁴ Концепт метанойи был разработан в области экзистенциально-феноменологической психиатрии Р. Лэйнгом и Д. Купером [21, 23]. Термин «метанойя», как отмечает О. Власова, был заимствован Р. Лэйнгом у К. Юнга, а им, в свою очередь, взят из Нового Завета [5, с. 81]. Метанойя (от греч. *μετάνοια* – «перемена ума»), по Библии, есть следствие подлинного раскаяния, после которого человек уже не может совершать грех, в котором он покался, вследствие отвращения к нему.

Так определяется еще один смысл концепта трансгрессии как онтологической «пересборки» субъекта на новых началах, необходимой для его развития и адаптации.

Трансгрессия и субъект

Рассмотрение человеческого бытия с точки зрения трансгрессии заставляет переосмыслить понятие субъекта. В связи со «смертью субъекта», провозглашенной в постмодернистском дискурсе, становится актуальным вопрос «Кто приходит после субъекта?»¹⁵. Как отмечает Ж. Деррида, «субъект скорее переинтерпретирован, переопределен, перерегистрирован, но точно не “ликвидирован”» [7, с. 14]. Субъект оказался лишен своего классического картезианского основания – Cogito, будучи определен чем угодно – языком, дискурсом, культурой, etc., – кроме *самого себя*. В связи с утратой субъектом внутренних оснований перед философией встает задача мыслить субъекта по-новому. Как было описано выше, трансгрессия есть не что иное, как задание субъектом собственных оснований изнутри самого себя. Чтобы это стало возможным, субъект должен быть расколот, раздвоен изнутри в соответствии с такими оппозициями, как «сознание – бессознательное», «профанное – сакральное». Человек посредством трансгрессии заново конструирует свою субъектность, актуализируя те потенции, которые заключены в его бессознательном, и трансформируя свое сознание (Cogito). Таким образом, антропология трансгрессии может стать одним из способов говорить о субъекте по-новому – как о пространстве возможного, ограниченного пределами. Человек может расширить это пространство, совершив трансгрессию и переопределив таким образом себя как субъекта.

Трансгрессия как адаптация когнитивных схем

Итак, трансгрессия позволяет расширить зону актуально возможного. Очевидно, что трансгрессия – это «скачок» в иное состояние, что подчеркивает В.А. Подорога [13]. Трансгрессия невозможна путем линейных преобразований, так как требует качественно иного способа существования, недоступного в настоящий момент. В соответствии с теорией личностных конструктов Дж. Келли, адаптивность поведения человека к внешней среде определяется системой когнитивных схем, ответственных за интерпретацию реальности и определяющих ее восприятие [11]. Будучи адаптивными в старых условиях, выработанные человеком конструкты – когнитивно-поведенческие модели – теряют свою применимость в новых, что требует их смены на новые, более пригодные. Но как возможен скачок

¹⁵ Данный вопрос является заголовком для дискуссии Ж. Деррида и Ж.-Л. Нанси, посвященной проблематике субъекта в современной философии [7].

от старых когнитивных схем (конструктов) к новым? На помощь приходит понятие трансгрессии. Человек, осуществляя личностную трансформацию, растождествляется с самим собой в «точке бифуркации», перестраивая себя заново. В момент трансгрессии он осознает дезадаптивность старых моделей поведения в изменившихся условиях и обретает способность мыслить и жить по-новому. Ключевую роль в этом процессе играет отмеченный нами ранее опыт *метанойи*, который можно трактовать как контакт со своим бессознательным. Стоит отметить, что термин «бессознательное» в контексте трансгрессии понимается не фрейдистски, как колодец вытесненных желаний, но в экзистенциально-гуманистической перспективе, как область внутреннего ресурса, скрытого от самого человека в его обыденном существовании. Такую точку зрения предлагает, например, В. Руднев, утверждая, что «бессознательное обеспечивает человека информационными программами, которые не доступны его сознанию» [16, с. 98]. Трансгрессию в таком случае следует определить как процесс перехода потенциальных возможностей (скрытых в глубине бессознательного) в актуальные, как присвоение и освоение сокрытых в себе ресурсов. Конечно, можно задать вопрос, зачем человеку такая раздвоенность, не проще ли, чтобы он в любой момент имел доступ ко всем своим ресурсам? Ответ заключается в природе сознания, которое ограничено определенными паттернами и когнитивными схемами, выйти за пределы которых самостоятельно оно не может, а если бы могло, то человек был бы не человеком, а Богом. Сознание, как личность человека, развивается постепенно, на каждом этапе активируя те или иные генетически заданные адаптивные механизмы.

Заключение

Концепт трансгрессии находится на пересечении двух дискурсов – культурно-антропологического и онтологического. В единстве этих двух подходов выкристаллизовывается третий – философско-антропологический. Концепт трансгрессии позволяет по-новому взглянуть на концепт Субъекта, а также переосмыслить проблематику индивидуального развития человека. По нашему мнению, дальнейшие философско-антропологические исследования концепта трансгрессии позволят глубже понять природу человека, социума, а также вещей в целом. С онтологической точки зрения концепт трансгрессии напрямую связан с проблемой соотношения статики и динамики, позволяя ответить на вопрос об условиях возможности трансформации сущего.

В заключение хотелось бы отметить перспективность междисциплинарных исследований феномена трансгрессии, в которых могут быть раскрыты такие темы, как феномен трансгрессии в личном опыте субъекта, осмысление трансгрессии в искусстве, и много других.

Завершить свой небольшой очерк хотелось бы цитатой М. Фуко о том, что «трансгрессивному еще только предстоит найти себе язык» [20, с. 121], – однако мы уже сейчас видим ту эвристическую силу, которую оно способно нам дать.

Литература

1. Батай Ж. Психологическая структура фашизма // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 13. – С. 80–102.
2. Батай Ж. Теория религии // Батай Ж. Проклятая часть: сакральная социология. – М.: Ладомир, 2006. – С. 49–105.
3. Батай Ж. Эротика // Батай Ж. Проклятая часть: сакральная социология. – М.: Ладомир, 2006. – С. 490–705.
4. Бородай Ю.М. Эротика. Смерть. Табу: трагедия человеческого сознания. – М.: Гнозис, 1996. – 416 с.
5. Власова О.А. Опыт безумия и ничтожение бытия: от экзистенциальной философии к экзистенциально-феноменологической психиатрии // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2008. – № 3 (14). – С. 74–83.
6. Гаспарян Д.Э. Проблема «Я» и «Другого» в философском и психологическом ракурсах: от Гегеля к Лакану // Философские науки. – 2015. – № 10. – С. 61–77.
7. Деррида Ж., Нанси Ж.-А. Кто приходит после субъекта? // Художественный журнал. – 2020. – № 115. – С. 13–33.
8. Зенкин С.Н. Небожественное сакральное: теория и художественная практика. – М.: РГГУ, 2014. – 537 с.
9. Зенкин С.Н. Послесловие к трансгрессии // Логос. – 2019. – Т. 29, № 2. – С. 51–63. – DOI: 10.22394/0869-5377-2019-2-51-62.
10. Зенкин С.Н. Сакральная социология Жоржа Батая // Батай Ж. Проклятая часть: сакральная социология. – М.: Ладомир, 2006. – С. 7–48.
11. Келли Дж.А. Теория личности: психология личностных конструктов. – СПб.: Речь, 2000. – 249 с.
12. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе. – СПб.: Наука, 2003. – 791 с.
13. Подорога В.А. Трансгрессия и предел // Новая философская энциклопедия. Т. 4. – М.: Мысль, 2010. – С. 91.
14. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории: проблемы палеопсихологии. – СПб.: Алетейя, 2007. – 713 с.
15. Ростова Н.Н. Антропологический поворот в философии: антропология vs онтология // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 456. – С. 93–98. – DOI: 10.17223/15617793/456/10.
16. Руднев В.П. К новой теории бессознательного // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 3. – С. 94–99.

17. Смирнов С., Яблокова Е. Антропологические границы гуманитарной экспертизы // *Философская антропология*. – 2019. – Т. 5, № 1. – С. 26–44. – DOI: 10.21146/2414-3715-2019-5-1-26-44.
18. Тен В.В. Человек безумный. На грани сознания. – М.: Эксмо, 2019. – 384 с.
19. Фуко М. О трансгрессии // *Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века*. – СПб.: Мифрил, 1994. – С. 111–132.
20. Элиаде М. Тайные общества: Обряды инициации и посвящения. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999. – 356 с.
21. Cooper D. *The Grammar of Living*. – New York: Pantheon Books, 1974. – 176 p.
22. Crow T.J. Is schizophrenia the price that Homo sapiens pays for language? // *Schizophrenia Research*. – 1997. – Vol. 28, N 2–3. – P. 127–141. – DOI: 10.1016/S0920-9964(97)00110-2.
23. Laing R.D. *Metanoia: Some Experiences at Kingsley Hall // Going Crazy: The Radical Therapy of R.D. Laing and Others*. – New York: Bantam Books, 1972. – P. 11–22.
24. Liberton J. Excess and Imminence: Transgression in Bataille // *MLN*. – 1977. – Vol. 92, N 5. – P. 1001–1023. – DOI: 10.2307/2906888.

References

1. Bataille G. Psikhologicheskaya struktura fashizma [Psychological Structure of Fascism]. *Novoe literaturnoe obozrenie = Russian Studies in Literature*, 1995, no. 13, pp. 80–102. (In Russian).
2. Bataille G. Teoriya religii [Théorie de la religion]. Bataille G. *Proklyataya chast': kakral'naya sotsiologiya* [La part maudite]. Moscow, Lodomir Publ., 2006, pp. 49–105. (In Russian).
3. Bataille G. Erotika [L'Érotisme]. Bataille G. *Proklyataya chast': kakral'naya sotsiologiya* [La part maudite]. Moscow, Lodomir Publ., 2006, pp. 490–705. (In Russian).
4. Borodai Yu.M. *Erotika. Smert'. Tabu: tragediya chelovecheskogo soznanija* [Eroticism. Death. Taboo: The Tragedy of Human Conscious]. Moscow, Gnozis Publ., 1996. 416 p. (In Russian).
5. Vlasova O.A. Opyt bezumiya i nichtozhenie bytiya: ot ekzistentsial'noi filosofii k ekzistentsial'no-fenomenologicheskoi psikhiiatrii [The experience of madness and being's nothingness: from the existential philosophy to the existential-phenomenological psychiatry]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina = Pushkin Leningrad State University Journal*, 2008, no. 3 (14), pp. 74–83.
6. Gasparyan D.E. Problema «Ya» i «Drugogo» v filosofskom i psikhologicheskom rakursakh: ot Gegelya k Lakanu [The problem of «I» and «the Other» in the Philosophical and Psychological Perspectives: from Hegel to Lacan]. *Filosofskie nauki = Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2015, no. 10, pp. 61–77.
7. Derrida J., Nancy J.-L. Kto prikhodit posle sub'ekta? [Who Comes After the Subject?]. *Khudozhestvennyi zhurnal = Moscow Art Magazine*, 2020, no. 115, pp. 13–33. (In Russian).

8. Zenkin S.N. *Nebozhestvennoe sakral'noe: teoriya i kbudozhestvennaya praktika* [The Non-Divine Sacred : Theory and Literary Practise]. Moscow, RGGU Publ., 2014. 537 p.
9. Zenkin S.N. Posleslovie k transgressii [A Postscript to Transgression]. *Logos*, 2019, vol. 29, no. 2, pp. 51–63. DOI: 10.22394/0869-5377-2019-2-51-62. (In Russian).
10. Zenkin S.N. Sakral'naya sotsiologiya Zhorzha Bataya [Sacred Sociology of George Bataille]. Bataille G. *Proklyataya chast': sakral'naya sotsiologiya* [La part maudite]. Moscow, Ladomir Publ., 2006, pp. 7–48. (In Russian).
11. Kelly G.A. *A Theory of Personality. The Psychology of Personal Constructs*. New York, The Norton Library, 1963. 212 p. (Russ. ed.: Kelli Dzh.A. *Teoriya lichnosti: psikhologiya lichnostnykh konstruktorov*. St. Petersburg, Rech' Publ., 2000. 249 p.).
12. Kojève A. *Introduction à la lecture de Hegel. Leçons sur la Phénoménologie de l'esprit professées de 1933 à 1939 à l'École des Hautes Études, réunies et publiées par Raymond Queneau*. Paris, Gallimard, 1947. 597 p. (Russ. ed.: Kozhev A. *Vvedenie v chtenie Gegehya. Lektsii po Fenomenologii dukha, chítavshiesya s 1933 po 1939 g. v Vysshei prakticheskoi shkole*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. 791 p.).
13. Podoroga V.A. Transgressiya i predel [Transgression and Limit]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya*. T. 4 [The New Philosophical Encyclopedia. Vol. 4]. Moscow, Mysl' Publ., 2010, p. 91.
14. Porshnev B.F. *O nachale chelovecheskoi istorii: problemy paleopsikhologii* [On the Beginning of Human history: problems of paleopsychology]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2007. 713 p.
15. Rostova N.N. Antropologicheskii povorot v filosofii: antropologiya vs ontologiya [An Anthropological Turn in Philosophy: Anthropology vs Ontology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2020, no. 456, pp. 93–98. DOI: 10.17223/15617793/456/10.
16. Rudnev V.P. K novoi teorii bessoznatel'nogo [To a New Theory of the Unconscious]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, 2010, no. 3, pp. 94–99.
17. Smirnov S., Yablokova E. Antropologicheskie granitsy gumanitarnoi ekspertizy [Anthropological Boundaries of Humanitarian Expertise]. *Filosofskaya antropologiya = Philosophical Anthropology*, 2019, vol. 5, no. 1, pp. 26–44. DOI: 10.21146/2414-3715-2019-5-1-26-44.
18. Ten V.V. *Chelovek bezumnyi. Na grani soznaniya* [The man is insane. On the verge of consciousness]. Moscow, Eksmo Publ., 2019. 384 p.
19. Foucault M. Préface à la transgression (en hommage à Georges Bataille). *Tanatografiya Erosa: Zhorzh Batai i frantsuzskaya mysl' serediny XX veka* [Thanatography of Eros. Georges Bataille and French thought of the mid-20th century]. St. Peterburg, Mifril Publ., 1994, pp. 111–132. (In Russian).
20. Eliade M. *Initiation, rites, sociétés secrètes, naissances mystiques. Essai sur quelques types d'initiation*. Paris, Gallimard, 1976. 282 p. (Russ. ed.: Eliade M. *Tainye obschestva: Obryady initsiatsii i posvyashcheniya*. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 1999. 356 p.).
21. Cooper D. *The Grammar of Living*. New York, Pantheon Books, 1974. 176 p.

22. Crow T.J. Is schizophrenia the price that Homo sapiens pays for language? *Schizophrenia Research*, 1997, vol. 28, no. 2–3, pp. 127–141. DOI: 10.1016/S0920-9964(97)00110-2.

23. Laing R.D. Metanoia: Some Experiences at Kingsley Hall. *Going Crazy: The Radical Therapy of R.D. Laing and Others*. New York, Bantam Books, 1972, pp. 11–22.

24. Libertson J. Excess and Imminence: Transgression in Bataille. *MLN*, 1977, vol. 92, no. 5, pp. 1001–1023. DOI: 10.2307/2906888.

Статья поступила в редакцию 08.09.2025.

Статья прошла рецензирование 04.11.2025.

The article was received on 08.09.2025.

The article was reviewed on 04.11.2025.